роте и «массовости» летописной работы в Новгороде (чего не встречаем в других центрах летописания) и продолжавшаяся на протяжении ряда веков,[132] отразилась и в последних новгородских сводах XVII в. Широкое привлечение их составителями местных летописцев в ряде случаев может быть доказано сопоставлением параллельных текстов (что оказывается пока невозможным в отношении предшествующих столетий). Таким образом, если до сих пор речь шла о том новом, что появилось в новгородском летописании XVII в., то здесь, напротив, следует говорить о большой живучести тех традиций, которые составляют отличительную особенность новгородских сводов начиная с XII в.

Есть все основания полагать, что составитель пространной редакции НЗЛ использовал летописец новгородской церкви Двенадцати апостолов, по крайней мере ту его часть, которая мне известна и опубликована в настоящем томе. Сопоставим тождественные тексты обоих памятников.

Летописец церкви Двенадцати апостолов	НЗЛ
Лета 6738-го, маиия во 2 день от сотворения мира, в пяток 4 недели по пасце трясеся земля. Того лета возведоша Спиридона на владычество, и того лета убиша Семиона Борисовича. На ту же осень глад бысть велий: кадца ржи продавалась по 40, а овса по 7 гривен, и бысть зло: по улицам трупия пси ядяху, влачаша главы и руки, и ноги; и наметаша скудельницу у Двунадесяти апостол святых 33000, а на весне конец Чудинцовой улицы, а другую за Рождеством; а в Смоленске 2 скудельницы 16000, а в третьей 4000, а в четвертой 9000 помечаша; все же зло бысть два лета; а в Новгород тое весны прибегоша немцы с житом и с мукою; и по ярославскаго князя послали на всей воли его.[134]	6738, *маия в 3 день трясеся земля* и хлеб дорог, и глад велик: кадь ржи по 40 гривен, а овса по 5 гривен, и по улицам многия мертвыя лежаху, а пси влачаху главы и руки, и ноги; и наметаша скудельницу у Апостол 12 на Пруской 3030 человек, а по [иным][133] улицам — бог весть; а на весну — конец Чудинцовы улицы, скудельню за Рождеством, а в Смоленске городе 32000 в четырех скудельницах; а было зло 2 лета; а в Новъгород привозиша немцы жито и вской хлеб. Того же лета возведоша Спиридона на владычество, а преставися в лето 6757-е.[135]

В НЗЛ текст сокращен сравнительно с летописцем церкви Двенадцати апостолов.[136] Следовательно, первоначальным является текст последнего, а не наоборот (в НЗЛ отсутствуют некоторые фактические данные, что исключает предположение о риторическом распространении текста НЗЛ летописцем церкви Двенадцати апостолов). Отметим, что гипотеза о заимствовании этого текста составителем НЗЛ из летописца церкви Двенадцати апостолов была выдвинута еще И. Д. Беляевым,[137] который не располагал, однако, самим этим летописцем и строил свои предположения лишь на основании состава известей 1230 г. в НЗЛ.[138]

---

[132] См., например, указание на использование летописца Лисьегорского монастыря, имеющееся в Н2Л (Новгородские летописи, стр. 53).

[133] Это слово, очевидно пропущенное переписчиком списка ГБЛ, ОИДР. 127, восстанавливается на основании краткой редакции НЗЛ (см.: Новгородские летописи, стр. 203).

[134] См. стр. 370 настоящего тома.

[135] ГБЛ, ОИДР. 127, лл. 176 об.—177.

[136] Добавлен лишь год смерти архиепископа Спиридона. Самостоятельное известие об этом событии под соответствующим годом имеется во всех новгородских лотописях, в том числе и в самой НЗЛ.

[137] И. Д. Беляев. О разных видах русских летописей. — ВОИДР, кн. 5, 1850, стр. 19.

[138] Менее вероятно возможное предположение о заимствовании этих известий не из летописца церкви Двенадцати апостолов, а из летописи Авраамки (см.: ПСРЛ,